

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 57 (3713)

Вторник, 14 мая 1957 г.

Цена 40 коп.

Велед за Москвой сердечной встретил желанных гостей — Правительственную делегацию Монгольской Народной Республики во главе с Председателем Совета Министров Ю. Цеденбалом — Ленинград. Город на Неве, где жил и творил великий Ленин, где заложил он первые камни молодого Советского государства, близко сердцу монгола. Ему близко и дорого имя Владимира Ильича, который первым указал ясную перспективу развития отсталой в прошлом Монголии по пути социализма, минувшая капиталистическую стадию развития. Араты говорят: солнце взошло над Монголией в тот день, когда в Кремле Ленин и Сталин-Батор пожали друг друга руки. Выражая чувства монгольских людей к советскому народу, поэт Ц. Уламбаяр пишет: О русских людях хорошо Китайцы любят говорить, А то, что русский — верный брат, Монголы могут подтвердить. На снимке: Правительственная делегация МНР в Ленинграде. Гости проезжают по Невскому проспекту. Фото И. Варанова

В эти дни внимание миллионов советских людей приковано к итогам седьмой сессии Верховного Совета СССР. Всюду — на фабриках и заводах, на строительных площадках и в научных учреждениях, в колхозной деревне — с большим интересом изучается принятый Верховным Советом Закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством».

В обеденные перемены, после трудового дня повсеместно проходят читки материалов сессии, беседы, собрания. Трудящиеся единодушно одобряют Закон, имеющий исключительно важное значение в жизни нашего государства, в борьбе за построение коммунистического общества.

Широкие горизонты

Историческая сессия Верховного Совета СССР 10 мая закончила свою работу. Много мыслей и дум вызывает она у каждого советского человека, в особенности работающего в промышленности.

И все же как только каждый из нас, депутаты Верховного Совета, получил материалы к докладу Н. С. Хрущева, по-новому осознало то понятие историческое и переломное, что несет стране и народу намеченная перестройка руководства народным хозяйством.

Любопытно, что коксохимический завод, снабжающий доменные печи коксом, находится на территории нашего завода и являлся когда-то его цехом. Но потом цех сделали самостоятельным предприятием и передали в другой завод. Искусственное разделение привело к разобщению единого производственного организма, к нарушению ритма и взаимному отчуждению людей, занятых одним и тем же делом.

НАРОД ОДОБРЯЕТ

Каждую субботу ровно в два часа дня из ворот завода «Большевик» выливается огромный поток рабочих. Эта привычная картина в минувшую субботу была нарушена: несмотря на укороченный рабочий день, первая смена не сразу покинула цехи завода. Не было ни официальных собраний, ни митингов, но когда прибыли газеты, опубликовавшие решения седьмой сессии Верховного Совета СССР, люди просто не могли разойтись по домам.

Из-за того, что Главхимзав ликвидированного ныне союзного Министерства машиностроения, как правило, присылал нам планы с опозданием, на заводе часто нарушался ритм работ и приходилось прибегать к штурмовщине. Мы уверены, что с созданием совнархоза Киевского экономического района положение коренным образом изменится.

Мне, инженеру-металлургу, всегда было понятно всенародное значение нашей отрасли промышленности. Однако напоминания о преимущественном развитии тяжелой промышленности, которое было сделано в первой части доклада, настойчивое подчеркивание необходимости постоянных поисков более совершенных, более гибких форм, глубокого и всестороннего изучения нашей практики, горячий призыв соблюдать ленинские заветы о местном почине и использовании разнообразия творческих путей — все это ярко осветило нашу работу.

Наконец, о взаимоотношениях нашего завода с совнархозом. Нужно сделать так, чтобы отрицательные стороны работы Главка, которому мы подчинялись, не возродились в совнархозах. Нужно, чтобы нам не навязывали бюрократических, далеких от жизни планов. Следует также добиться, чтобы нас не заставляли без нужды приобретать запасы совершенно ненужного нам сырья при острой нехватке нужного.

МИССИЯ ДРУЖБЫ

В любую погоду — будь то под лучами палящего солнца или под струями тропического ливня — тысячи индонезийцев выходят на улицы, чтобы приветствовать Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова. Эти флажки, тысячи портретов Сукарно и Ворошилова поднимаются над головами встречающих. «Да здравствует советско-индонезийская дружба!», «Хидул-мердека!» («Да здравствует свобода!») — несутся крики.

справедливо отмечает, что «теплая встреча, оказанная индонезийцами советскому президенту, является доказательством того факта, что они приветствовали главу одного из дружественных государств». Исключительно трогательно проходят встречи К. Е. Ворошилова с простыми труженниками этой далекой страны. На Яве крестьяне района Тжингсан преподнесли Клименту Ефремовичу образцы плодов своей земли — рис, коносовые орехи, корня тапиока. Они просили передать привет трудовому советскому народу, столь далекому от них географически и столь близкому им по своим идеалам.

Запретить испытания атомного и водородного оружия!

В президиуме Советского комитета защиты мира состоялось расширенное заседание президиума Советского комитета защиты мира совместно с представителями ряда республиканских, краевых и областных комитетов. На заседании было заслушано и обобщено сообщение члена президиума комитета А. Е. Корнейчука и ответственного секретаря комитета М. И. Котова о проведении в СССР кампании за прекращение испытаний атомного и водородного оружия.

Заявление ученых

АЛМА-АТА. (Наш корр.) В эти дни в Алма-Ате можно увидеть многих ученых Азербайджана, Узбекистана, Туркмени, Таджикистана, Киргизии, Кара-Калпакки, далекой Якутии, а также Москвы и Ленинграда. Это участники объединенной научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в эпоху социализма, организованной Академией наук СССР, а также Академией наук Киргизской, Таджикской и Узбекской ССР.

ЖЕНЩИНАМ-МАТЕРЯМ

Я радуюсь сильней всего на свете Приходу мая — солнцу и весне, Голубоглазым, кареглазым детям, Бегущим весело навстречу мне... Подруги с белой, желтой, черной кожей!

Все устает!.. Исполон веков Так повелось в моем краю: вратов Мгновению женский разъярал мандили!.. Но силы тьмы, которым не угодны Любское счастье, звонкий смех ребят, Размахивая бумбой водородной, Всеми живому гибелью грозит.

Смелость подлинная и мнимая

ПЕРЕД советской литературой стоят большие задачи, связанные с ее ролью, общественно-преобразующей ролью в жизни наших людей. Эти задачи нельзя решить, не проявив творческой смелости, активности, новаторского осмысления путей развития искусства.

направленности, художественных качеств. Сам по себе рассказ неудачен: является довольно схематичным и иллюстративным решением затронутой в нем темы засилья бюрократов и карьеристов в науке и промышленности.

Конечно, пережитки старого в нашей жизни, в нашем быту — еще сильны, и художник-реалист не может пройти мимо них, ведет с ними решительный бой, но нельзя представлять себе дело таким образом, будто любой бюрократ может чувствовать себя в нашем обществе, как Гулливер среди лилипутов.

знают довольно путанную картину положения в литературе и в литературной науке. Крайне характерна в этом отношении статья С. Штут «У карты нашей литературы», опубликованная в журнале «Новый мир» (№ 9, 1956 г.). В статье С. Штут есть верные наблюдения и замечания, связанные с необходимостью расширения поля зрения нашей критики, включения в историю советской литературы творчества многих незаключенных обобщенных и несправедливо опорооченных писателей.

Прежде всего следует подчеркнуть, что смелость и новаторство советского художника неотделимы от глубокого вторжения в жизнь и активного стремления к ее преобразованию, от решительного разоблачения пережитков старого, от борьбы за будущее, ибо оно в наших условиях — не отвлеченная мечта, а реально и планомерно претворяемая в жизнь действительность.

Выснесению вопроса о том, что в искусстве является смелостью подлинной и мнимой, помогает и творчество Александра Ишгина, выступившего недавно на страницах сборника «Литературная Москва» с рассказом «Рычаги». Герои рассказа сами по себе — это «простые, сердечные люди», но, выполняя обязанности членов партии, они преобразуются в бездушные «рычаги», в безвольных проводников тех указаний, которые сами считают неверными и бюрократическими.

Примером неверного изображения нашего общества, характера наших людей может послужить и стихотворение Р. Рождественского «Утро», также опубликованное в сборнике «Литературная Москва» (сборник первый). Стихотворение носит аллегорический характер, но смысл этих аллегорий совершенно ясен. Если верить автору, то только сейчас наступает «рассвет», а вот до недавней поры в нашей жизни господствовала сплошная «ночь», воплощенная в облике страшного существа, подчиняющего людей своей безраздельной власти и заставляющего их служить себе — одному себе, больше никому и никому.

Творчество Бабея — явление сложное и противоречивое. У писателя есть произведение, пронизанное духом революционной романтики, запечатлевшее мощь восставшего народа, рядовых людей, полчас невестственных, но с небывалым героизмом и беззаветным мужеством отстаивающих завоевания революции, свою страну, свое будущее. Облик этих людей, по щекам которых еще словно струятся пот и кровь великих сражений, их образы, вырванные смелой и решительной рукой художника из самой жизни, прямо с полей битвы, — это одно из примечательных и самообильных явлений советской литературы. Вместе с тем у Бабея есть и другие произведения, пронизанные неверием в силы народа, горечью разочарования, духом скептицизма, словно бы замаскированным у Экклесиаста и других библейских мудрецов. Эти произведения носят уже другой, стилизаторский и гораздо менее значительный характер. Здесь художник пытается сочетать библейю с современными анекдотом, с духом намеренного скептицизма, но в условиях всемирно-исторической по своему размаху и значению победы восставшего народа этот скептицизм оказывается явным несостоятельным и недостаточным весомым. И в статье С. Штут подчеркивается и превозносится у И. Бабея именно то, что является его слабостью: его творчество характеризуется как «мудрый скептицизм».

С утратой этой перспективы художник, хотя бы и точный в изображении тех или иных конкретных фактов, утрачивает и возможность их глубокого осмысления, ясности своего взгляда, находится в позиции человека, который, как говорится в одной старинной книге, видит, не зная что, стоит, не являя на чем. Вот почему он и оказывается в плену случайных наблюдений и преходящих настроений, которые, ставши основой литературного произведения, способствуют созданию весьма односторонней и поверхностной картины действительности.

Рассказ «Рычаги» некоторые литераторы склонны считать правильным и смелым, противопоставляя его другим явлениям нашей литературы как своего рода открытие и достижение. Но так ли это на самом деле? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно сравнить два произведения А. Ишгина — поэму «Мать и сын» и упомянутый рассказ.

Шля, с моею правдой не соросся, хоть и медленно, да осторожно. Я темней становилась нарочно, чтобы вас не мучила совесть, чтобы вы не видели грязь, чтобы вы себя не корчили... Разве было плохо вам? Разве вы об этом тогда говорили?!

Самое удивительное здесь то, что эта речь, извращающая нашу историю, жизнь и характер наших людей, никак не опровергается поэтом. Наоборот, если он и возражает «ночи», то смысл его возражений сводится к тому, что так, мол, теперь, с наступлением «утра» (тоже аллегорического, но будет, а будет совсем по-другому).

Но так ли это на самом деле? Нет, совершенно не так, и зачастую творчество одного и того же писателя может явиться убедительным ответом на вопрос о том, что в искусстве является смелостью подлинной, а что мнимой, в чем проявляется позиция художника, умеющего глубоко осмыслить самые сложные и противоречивые явления действительности, а в чем — растерянность человека, оказавшегося под властью случайных и преходящих настроений.

Поэма «Мать и сын» заставляет о многом задуматься своего читателя и многое пережить, помогает услышать поступь истории в одном из самых трагических эпизодов эпохи коллективизации сельского хозяйства. Сила поэмы заключается именно в смелости художника, в умении раскрыть глубоко и существующие жизненные противоречия, не только не обходя наиболее острые и трагические, а сосредоточивая на них самое пристальное внимание. — и это делает поэму «Мать и сын» одним из примечательных произведений нашей поэзии.

СЛЕДУЕТ отметить, что вообще наша критика не выполняла в достаточной мере свою роль в организации литературного процесса, отстаивании всего подлинно новаторского, смелого, передового в литературе, в преодолении ее ошибок и заблуждений.

Крайне односторонне С. Штут говорит и о творчестве В. Пастернака, весьма произвольно (ср. замечание на 2-3 стр.)

ТРЕТИЙ ПЛЕНУМ ПИСАТЕЛЕЙ СССР. Сегодня, 14 мая, в 6 часов вечера в помещении Центрального дома журналиста открывается Третий пленум правления Союза писателей СССР.

ИЛИ МАЛОЙ МЫСЛИ?

В. ПАНКЕВ

...Скверно жили Алексей и Александра Грачуки. Что они...

А когда все улеглось, Александра снова пошла работать на колхозную ферму дояркой.

Точнее так писались четверть века назад находившие образцы антиреволюционных брошюр.

Писатель И. Гайдаенко, автор изложенного выше произведения «Душа в душу» (сборник «Соседи», Одесское обл. издательство).

Правом ли начинать разговор о рассказе с произведения, которое настоящим художественным рассказом не является?

Нельзя сказать, что жанр рассказа на Украине не в чести сейчас. Новые рассказы часто встречаются на страницах газет, журналов, альманахов.

Ю. Нагибин советовал на то, что русская критика не очень, по его мнению, интересна к рассказам, его состоянию, трудностям его развития.

Стало быть, романтику Заболоцкого А. Марченко трактует как умение «грезить наяву».

Такое противопоставление романтики и реальности явно несостоятельно, ибо романтика, присущая нашим людям, не носит характера бесплотной мечты или «творимой легенды».

В статье А. Марченко сказано устарелое понимание романтического начала, и не случайно в ней эти слова не найдено по адресу стихотворения И. Заболоцкого «Хорошо».

Наша критика должна быть смелой и последовательной в отстаивании принципов партийности литературы, исторической правды, жизнеутверждающего искусства.

Вопросом о том, как выдержать трудностей первых дней, когда приходится жить в тракторном вагончике...

Заклеймить деэтиратора легко. Это ведь обличение обличеного. Создать образ человека, именуемого «на полшага садом»...

Ограничимся одним характерным примером. Немало произведений советской литературы повествует о том, как под воздействием социалистической действительности...

По вот как трактует эту тему Анатолий Шиян в рассказе «Любовь». Цыганка Оксана находит мужа (тоже цыгана), которого она много лет считала погибшим.

Высокой оценки заслуживают в этом отношении (да и не только в этом) многие рассказы С. Журавича и В. Петлюка.

Сколько написано рассказов об искушениях легкой жизни, трусах и деэтираторах, бегущих со строев или ценных, — и эти эти на одно лицо!

Каждый день десятками километров мерить выбухшие лески. Бросил стройку. Казалось бы, ясно. Но... Андреевский вернулся, вернулся, когда впереди было еще немало трудностей.

Каждый день десятками километров мерить выбухшие лески. Бросил стройку. Казалось бы, ясно. Но... Андреевский вернулся, вернулся, когда впереди было еще немало трудностей.

Каждый день десятками километров мерить выбухшие лески. Бросил стройку. Казалось бы, ясно. Но... Андреевский вернулся, вернулся, когда впереди было еще немало трудностей.

Каждый день десятками километров мерить выбухшие лески. Бросил стройку. Казалось бы, ясно. Но... Андреевский вернулся, вернулся, когда впереди было еще немало трудностей.

Каждый день десятками километров мерить выбухшие лески. Бросил стройку. Казалось бы, ясно. Но... Андреевский вернулся, вернулся, когда впереди было еще немало трудностей.

Каждый день десятками километров мерить выбухшие лески. Бросил стройку. Казалось бы, ясно. Но... Андреевский вернулся, вернулся, когда впереди было еще немало трудностей.

Каждый день десятками километров мерить выбухшие лески. Бросил стройку. Казалось бы, ясно. Но... Андреевский вернулся, вернулся, когда впереди было еще немало трудностей.

Каждый день десятками километров мерить выбухшие лески. Бросил стройку. Казалось бы, ясно. Но... Андреевский вернулся, вернулся, когда впереди было еще немало трудностей.

Каждый день десятками километров мерить выбухшие лески. Бросил стройку. Казалось бы, ясно. Но... Андреевский вернулся, вернулся, когда впереди было еще немало трудностей.

Каждый день десятками километров мерить выбухшие лески. Бросил стройку. Казалось бы, ясно. Но... Андреевский вернулся, вернулся, когда впереди было еще немало трудностей.

Каждый день десятками километров мерить выбухшие лески. Бросил стройку. Казалось бы, ясно. Но... Андреевский вернулся, вернулся, когда впереди было еще немало трудностей.

Каждый день десятками километров мерить выбухшие лески. Бросил стройку. Казалось бы, ясно. Но... Андреевский вернулся, вернулся, когда впереди было еще немало трудностей.

Каждый день десятками километров мерить выбухшие лески. Бросил стройку. Казалось бы, ясно. Но... Андреевский вернулся, вернулся, когда впереди было еще немало трудностей.

Каждый день десятками километров мерить выбухшие лески. Бросил стройку. Казалось бы, ясно. Но... Андреевский вернулся, вернулся, когда впереди было еще немало трудностей.

На протяжении недели в центре театральной жизни столицы находится выступление коллектива немецкого театра «Берлинер ансамбль».

Каждый день десятками километров мерить выбухшие лески. Бросил стройку. Казалось бы, ясно. Но... Андреевский вернулся, вернулся, когда впереди было еще немало трудностей.

Каждый день десятками километров мерить выбухшие лески. Бросил стройку. Казалось бы, ясно. Но... Андреевский вернулся, вернулся, когда впереди было еще немало трудностей.

Каждый день десятками километров мерить выбухшие лески. Бросил стройку. Казалось бы, ясно. Но... Андреевский вернулся, вернулся, когда впереди было еще немало трудностей.

Каждый день десятками километров мерить выбухшие лески. Бросил стройку. Казалось бы, ясно. Но... Андреевский вернулся, вернулся, когда впереди было еще немало трудностей.

Каждый день десятками километров мерить выбухшие лески. Бросил стройку. Казалось бы, ясно. Но... Андреевский вернулся, вернулся, когда впереди было еще немало трудностей.

Каждый день десятками километров мерить выбухшие лески. Бросил стройку. Казалось бы, ясно. Но... Андреевский вернулся, вернулся, когда впереди было еще немало трудностей.

Каждый день десятками километров мерить выбухшие лески. Бросил стройку. Казалось бы, ясно. Но... Андреевский вернулся, вернулся, когда впереди было еще немало трудностей.

Каждый день десятками километров мерить выбухшие лески. Бросил стройку. Казалось бы, ясно. Но... Андреевский вернулся, вернулся, когда впереди было еще немало трудностей.

«ПРАВИЛЬНАЯ КНИГА!»

Дорогой товарищ редактор! Пропусть наш спор. Разрешить наш спор.

Начали мы ее читать вслух. Там рассказывается, как вооруженный бригадир Окунев победил двух работников Маленюка и Лужанова.

Зиморов купил у Лужанова золото — и все таких вещей обманов не бывает — и дал Лужанову сто тысяч.

Окунев же свое золото послал на Кавказ жене. А у жены любовник был ювелир Томбале.

Впрочем, тут я спутал: Абакарову это он потом продал, а раньше старик Гадурову. И с Гадуровым оно долго пыли и были у двух «белых женщин».

Вообще живут они все очень здорово. А попалась на ерунде: кто-то до нас на Окунева, а Бродкин совсем случайно влип.

В общем чехуха какая-то. Мы как до этого места дошли, даже расстроились. Но все равно ни в основном здорово держались и с твердым оптимизмом пошли в тюрьму.

Весь определяется позицией художника, и если он стоит на твердых, передовых позициях, тогда он умеет изобразить самые трагические события так, что его произведение возмущает и очищает душу читателя.

Если же говорить о смелости художника, то этой смелости следует учиться у Горького, который высоко держал знамя боевого, жизнеутверждающего искусства.

Смелости учит и творчество Маяковского — образец боевого, целеустремленного искусства, служащего великим идеалам нашей эпохи.

через день приходит скучный такой: я, говорит, ребята перед вами виноват. Не то вам дал. Попадется на издательство «Молодая гвардия».

Но мы с ним не согласились, очень здорово все в романе описано, в особенности женщины: «Зиморов невольно поглядывал через плечо Трузенгелда на голые руки».

Зря только автор, как дойдет до самого интересного, почему-то пропускает. Неправильно это. Если начал, — договаривай!

В хорошей книге обо всем должно быть написано. Моя мать недавно купила «Домоводство». Так там и как коров доить, и чем выводить пятна, и про огород.

Очень хорошие лозунги у товарища Иванова: «...самомнение — это раковая опухоль личности».

Мы хотим их написать большими буквами и развесить в общежитии. Только в шахматы у нас не все играют. Больше в домино.

И почему только Михаилу Ивановичу не нравятся книги? Как мы его ни уговариваем, он только выдыхает: да, действительно, много бед принес желтый металл!

Вот еще: «Дорогой товарищ редактор, выясните, пожалуйста, подробно у товарища Иванова, как можно устроиться на золотые приски, мы всей нашей командой решили туда ехать».

И мы реалисты, но не на подложном корму, не с мордой, упершейся вниз, — мы в новом, грядущем быту, помноженном на электричество в коммунизм.

Подлинная смелость и новаторское существование литературы социалистического реализма неотъемлемы от того «грядущего быта», который воплощается в жизнь наших людей.

СТАМБУЛ

От Стамбула до Анкары — одна ночь по железной дороге.

Возлаз Хайдар-паша находится на азиатском берегу, переправа через Босфор отнимает двадцать-тридцать минут, и пассажиры не выходят из автомобилей, в три ряда установленных на пароме. Для воспроизведения времени «кафедр» разност в мажорных стаканиках чай.

Тут следует сказать об одном лишнем, которое испытывает население. В Турции — классической стране кофе «по-турецки» — кофе нет. И если оно иногда появляется в продаже, то мгновенно раскупается, причем в одни руки не продается более ста граммов. Дело в том, что за импортный кофе надо платить валютой, но расходы на содержание армии и развитие промышленности, финансовые затруднения, испытываемые страной, этого не позволяют. Отсутствие кофе для этой страны — серьезное лишнее; в свое время даже в деревенских кафе можно было видеть крестьян, с наслаждением потягивавших кофе. Теперь «кафедр» разносят чай, а иногда, когда нет чая, — турецкий лимонад «атаос».

Ночь в поезде пролетает незаметно, утром в окне вагона — типичный пейзаж Анатолии: горы без признаков растительности, в долинах и ущельях каменные хижины селений, над ними поднимаются купола мечетей и тонкие стрелы минаретов. Близ Анкары пейзаж меняется, мы видим мачты радиостанции, затем строения мастерской по ремонту тракторов. Над зданиями вывеска на турецком языке; странно, что на вывеске читаешь слово «Миннеполис» — название американского города.

Тракторы в Турции импортного, главным образом, американского происхождения. Здесь хочется сказать о важных переменах, которые автор этих заметок наблюдал в современной Турции: это появление хороших дорог и тракторов.

Трудно с точностью определить количество тракторов, импортированных в Турцию в послевоенные годы из США. Мои собеседники по-разному определяли их количество. Одни говорили, что тракторов 47 тысяч, другие утверждали, что не менее 60 тысяч. И то, и другое — внушительная цифра, в особенности, если приглядеться к тому, что в 1940 году в Турции насчитывалось тысяча тракторов, а к моменту прихода к власти демократической партии их было всего 5 тысяч. Теперь на полях и дорогах Турции тракторы — не редкость. Но, кстати говоря, и «карасалпа» — деревянная соха — тоже не редкость. Что же привнесло с собой Турцию импортные тракторы? Американцы везли в Турцию машины разных марок, здесь насчитывается более 120 различных марок тракторов. Возникает вопрос о запасах частей, и это настоящая трагедия — американцы не отпускают в кредит запасы частей, так же как не продают в кредит и резину. Что из этого получается — судить сами: образуются кладбища вышедших из строя тракторов.

Есть еще одно важное обстоятельство — тракторы продавались частным владельцам. Получив трактор, состоятельный землевладелец сокращал количество работающих на него батраков. Земельческие рабочие теряли кусок хлеба и увеличивали количество бедняков — чамалов, или чернорабочих, в городах.

Так обстоит дело с тракторами в Турции, — серьезная проблема, которую приходится как-то решать.

Уже на вокзале при въезде в столицу я убедился в том, что за 24 года моего отсутствия город значительно вырос. В те годы в Анкаре было около 150 тысяч жителей, теперь, по данным 1955 года, — 425 тысяч. Древний город, по существу, начал расти с 1923 года, когда Турция была провозглашена республикой, а Анкара — столицей.

Вокзал, который четверть века назад был на окраине города, теперь находится в центральной части. Железная дорога, виадук разделяют город. Новые улицы, новые дома появились на горных склонах, места, где, по памяти, были пустыри, теперь застроены современными домами. Появились новые районы, внушительные здания университетов — отделения языка и истории, министерств, института Гази — Атаюрка, оперного театра, банков. Бульвар Атаюрка застроен вплоть до дворца Чанкая. По-прежнему возвышается над Анкарой старинная крепость, на улице старого города идет наступление. Недавно снесен один из кварталов, примыкающих к площади Нацли (Улус Мейданы). Разрушен и выгладит очень привлекательным «Парк молодежи» с большим живописным прудом. Своеобразный контраст представляют руины храма Августа, старый караван-сарай, где теперь находится археологический музей эпохи хеттов, и, например, ультрасовременные здания на бульваре Атаюрка.

Продолжая знакомиться с новой Анкарой, находишь и старые, знакомые здания, имеющие немалое значение для истории современной Турции. — здание Межлиса, Халкаки — народный дом, где вестигиаль украшает знаменитая картина Берениция «Могилы Тамерлана». Этот подарок нашего правительства перешел турецкому народу Клименту Ефремовичу Ворошилову в дни своего пребывания в Турции в 1933 году. Воспоминания о добрых отношениях в то испытательный для турецкой нации не раз возникают в памяти, — старшее поколение не забывает хорошего прошлого.

В первый день пребывания в Анкаре, памяту беседа с великим государственным деятелем Турции Атаюрком в 1933 году, советский писатель счел своим долгом посетить мавзолей Атаюрка. Это величественное здание видно со всех концов города, оно воздвигнуто даровитым турецким архитектором Эмином Онат на горе, возвышающейся над Анкарой. Десять лет строился мавзолей, в 1953 году состоялось перенесение праха Атаюрка.

Атлея длиной в 260 метров ведет к входу, на стенах начертаны обращения Атаюрка к молодежи, выдержки из его речи, произнесенной по случаю десятилетия основания республики. Барельефы изображают эпизоды битвы у Сакария в эпоху войны за независимость.

Продолжение. См. «Литературную газету», № 50 от 25 апреля 1957 г.

Этот хейб был насущен писателями. После возложения венка состоялась интересная беседа с губернатором Анкары, беседа о будущем столицы, население которой возрастает до полу-миллиона. Об этом будущем можно было судить по планам и проектам новых районов города. Разговор коснулся и вопросов русской литературы, губернатор называл произведения наших писателей-классиков, отдавая должное не только художественным достоинствам, но и воспитательному значению произведений Тургенева, Толстого.

Надо сказать, что русская литература вообще богато представлена в каталоге изданий бюро переводной литературы при Министерстве народного просвещения. Каталог отмечает, что за период с 1940 по 1954 год выпущено на турецком языке девятнадцать произведений русских писателей. Здесь представлены различные произведения, начиная от жития протопопа Аввакума и далее — Федин, Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, А. Н. Островский, Гончаров, Тургенев, Шехтин, Достоевский, Толстой, Чехов. Это не значит, впрочем, что любую книгу этих авторов можно свободно купить в магазине.

Интерес к классической нашей литературе, разумеется, отнюдь не явление, но после второй мировой войны мы не видим на турецком книжном рынке произведений нашей современной литературы — явление довольно озорчатое, которое нельзя оправдать прилежным ярлыком «пропаганда». Уже очень щедро награждают здесь этим ярлыком произведения наших писателей, притом несправедливо. Между тем в нашей стране охотно переводят и издают произведения турецкой классической и современной литературы, отнюдь не считая это пропагандой чужой идеологии.

В тот же день, после беседы у губернатора Анкары, состоялась встреча с местными журналистами. Они проявили интерес к приезду советского писателя — поставили ряд вопросов, касающихся моих дорожных впечатлений, перемены, которые путешественник увидел в Турции, воспоминаний о прошлом. Журналисты интересовались самыми разнообразными темами, между прочим спросили о том, известны ли в нашей стране американские писатели.

— Какие именно писатели?

— Марк Твен, например?

АНКАРА

Стало ясно, что в силу наших отношений с США мой собеседник полагает, что мы вообще объявляем произведения американских писателей под запретом. Пришлось объяснить, что мы ценим и издаем громадными тиражами не только Марка Твена, но Лонгфелло и Эдгара По. Синклер Льюис, Стейнбек, Хемингуэй и другие. Это произвело впечатление. В результате этой беседы (пресс-конференции, как ее назвали в анкарских и стамбульских газетах) произошло многое, что интересовало моих собеседников в области культуры и искусства.

Не могу скрыть почти комического обстоятельства: одна стамбульская газета отметила, что швейцар отеля, где происходила наша беседа, записал фамилии всех участвовавших в ней журналистов. Видно, это было не простое любопытство, и вряд ли бы оно коснулось гостя, если бы он приехал из другой страны, а не из СССР.

В те дни «гостем» Анкары был генерал Норста, верховный главнокомандующий войск НАТО. По примеру адмирала Бриско, главнокомандующего вооруженными силами НАТО в южной зоне Европы, этот гость рассылал комплименты хозяевам. Упомянутый адмирал Бриско до этого тоже произнес речь, в которой беснуэт зрительницы, приписал «русскому царю Константину» изречение Николая I о «большом человеке Европы» (так Николай Павлик именовав Турцию). Как известно, «император Константин» в России не царствовал. Кончил свою речь просвещенный адмирал обычными комплиментами Турции, назвал ее столицей НАТО и пожел счастья тем, что Турция — на стороне США. Такого рода комплименты, как известно, ничего не стоят.

Невольно вспомнились стихи Пушкина и я, написанные в 1830 году:

Стамбул гуяры нынче славят,
А завтра кованой пятаю,
Как змия слышего, раздавят
И прочь пойдут — и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой.

Гений русского поэта сделал бессмертными его стихи, и читая словослияние туркам генералов и адмиралов НАТО, нельзя не вспомнить эти строфы.

Но продолжу об анкарских встречах. В монументальном здании отделения языка и истории университета мы беседовали с профессором русского языка Нимет Куратом, беседовали на французском языке, чтобы нас понимали другие собеседники. Я уже упоминал об осведомленности турецких ученых о произведениях писателей наших братских национальных республик, об интересе к трудам наших ученых-гуманитариев. В стамбульском университете просили прислать труд В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России» и некоторые издания Академией наук словари.

Непосредственную связь с беседой в университете имела встреча с советником министерства просвещения Осман Фарук Вердером о живописи, о фольклорном народном искусстве, которое можно видеть во всем его богатстве в этнографическом музее Анкары. Советник министерства говорил и о том, что следует переводить произведения турецких писателей, имеющих мировое значение, а не только труды современных писателей, об удивительном ювелирном искусстве летидов двух- и трехтысячелетней давности (изделия эти хранятся в археологическом музее) и о театре.

В свободные вечера можно было ознакомиться с театрами Анкары. На первом месте я поставил бы спектакль на историческую тему — трагедию Джелаль Осада Арсевен и Салех Джам Джоза «Султан Селим Третий». Пьеса была написана в 1910 году, после переворота, совершенного младотурками. На сцене показана трагедия султана, предпринявшего ряд

реформ, возбудившего против себя фанатиков и реакционеров, лишенного престола и впоследствии, в 1908 году, умеривленного во дворе Топкапи. Декорации и особенно костюмы воспроизводят с исторической точностью эпоху, но не в этом сила спектакля, а в темпераментной, понастоящему возмущающей зрителей игре двух актрис, исполняющих роли первой и второй жен султана Селима Третьего. Трудно поверить, что турецкая женщина, веками запертая в стенах гарема, в наши дни так вдохновенно и талантливо может овладеть сценическим искусством. О превосходных турецких комических актерах я уже писал; драматические актеры не всегда на высоте и порой играют в старой манере, однако в «Селиме Третьем» превосходно играют исполнители ролей султана Селима Третьего, визиря, французского посла генерала Себастьяни. Публику глубоко волнует сюжет, игра актрис и некоторых актеров.

Мне кажется, что именно эта пьеса могла бы вдохновить турецких либреттистов и композиторов, а не жизнь голландского художника Ван Гога, которая послужила сюжетом оперы «Ван Гог», исполняемой в оперном театре Анкары. Впрочем, в этом театре идет и опера «Керем» на чисто турецкий фольклорный сюжет.

В малом театре Анкары поставлена пьеса молодого автора Тургут Эзакмана «Потоп» на сенсационную и довольно мрачную тему о том, что бы произошло в мире после атомной войны. В пьесе действующие персонажи Ной и его сыновья Сим, Хам. Видимо, пьеса не слишком привлекает публику, зрители предпочитают более оптимистические сюжеты, и эта пьеса не собирает полный зал. В том же здании находится камерный, как его иногда именуют «карманный», театр на 65 зрителей. Здесь ставится пьеса французского комедиографа Верней «Деся государственных». Французскую пьесу из американской жизни играют молодые турецкие актеры и актрисы. Пьеса идет в переполненном зале, впрочем, не так уже трудно наполнить зал, вмещающий 65 зрителей. Пьеса не слишком остроумна, комические положения шаблонны, мне кажется, что для экспериментов можно бы найти более интересную пьесу.

Известный критик, заместитель Эрдогула Мухсиа — руководителя государственных театров в Анкаре — Люффи Ай дал мне возможность познакомиться с театрами, за это ему — большая признательность. Он интересовался нашими театрами, спрашивал о творческом наследии Мейерхольда и Таирова и рассказывал о воспитании творческих кадров Турции: молодые актеры и актрисы учатся на драматическом отделении Анкарской консерватории.

Встреча с известным публицистом Эсером и редактором официальной газеты «Зафер» Бурганом Белье произошла в последние дни моего пребывания в Анкаре. Бурган Белье в беседе развивал мысль о том, что первой задачей страны является укрепление экономики, затем, решив эту задачу, надо решать культурные задачи в духе гуманизма. Надо сказать, что вопросы экономики, действительно, следует решать, не откладывая. Глава правительства Мендерес говорил в Межлисе о том, что Турция следует сделать сильной в экономическом отношении. Именно это обстоятельство не доходит до сознания американских кредиторов, которые не задумались дать Турции один миллиард семьсот миллионов долларов на военные нужды, об этом говорил глава правительства, и не склонны помогать Турции в деле укрепления ее экономики. Газета «Ени Истанбул» перепечатала из французской газеты «Фигаро» статью, в которой немало горьких упреков. В статье говорится о том, что в магазинах Анкары нет предметов первой необходимости — кофе, чай, бумага, что лукавица, маслины, томаты и некоторое количество хлеба — недостаточная пища для крестьянина и рабочего. В статье сказано о низком прожиточном и культурном уровне населения — 70 процентов призываемых в армию неграмотны.

Видимо, экономические затруднения страны не слишком тревожат заокеанских благодетелей. Люди, не теряющие при этих обстоятельствах юмора, называют «американской помощью» подаренные губы у жежди — намека на то, что американцы щедро вводят в Турцию главным образом губную помаду.

Мое пребывание в Анкаре приходило к концу. Оставалось познакомиться с последними достопримечательностями.

Окрестности Анкары не слишком живописны, и потому очень породавали водохранилище Чубук, величественный парк, окружающий плочину. Этот уголок постоянно привлекает жителей Анкары, к тому же водохранилище приносит большую пользу, город очень нуждается в воде, особенно летом, когда уровень в водохранилище понижается. Реки вблизи нет, питьевая вода доставляется в город из горных источников.

Последний день в Анкаре был отдан посещению Чанкая, того дома, где жил до постройки дворца Атаюрка. Дом не очень велик, здесь есть реликвии, вызывающие у нас добрые воспоминания. В библиотеке Атаюрка хранится книга «Индустрия социализма», изданная у нас в 1935 году и подаренная Атаюрку. В его кабинете мы увидели картину, запечатлевшую парад турецких войск в эпоху войны за независимость. На переднем плане, близ принимающего парад генерала мы разглядели всадника, военного советника в красно-армейской шивели и шлеме, — воспоминание о поэме М. В. Фрунзе и наших командиров в Турцию. Все это бережно сохраняется в доме Атаюрка в Анкаре. Здесь мы увидели и простых людей, рабочих, крестьян — таких посетителей почти не встречаешь в археологических музеях, и в этом выражена горячая признательность народа Атаюрку.

На следующий день, в семь часов утра, «ЗИМ» увозил нас на юг страны, в Измир, что означает красивый Измир.

ИЗМИР

обстоятельства юмора, называют «американской помощью» подаренные губы у жежди — намека на то, что американцы щедро вводят в Турцию главным образом губную помаду.

Мое пребывание в Анкаре приходило к концу. Оставалось познакомиться с последними достопримечательностями.

Окрестности Анкары не слишком живописны, и потому очень породавали водохранилище Чубук, величественный парк, окружающий плочину. Этот уголок постоянно привлекает жителей Анкары, к тому же водохранилище приносит большую пользу, город очень нуждается в воде, особенно летом, когда уровень в водохранилище понижается. Реки вблизи нет, питьевая вода доставляется в город из горных источников.

Последний день в Анкаре был отдан посещению Чанкая, того дома, где жил до постройки дворца Атаюрка. Дом не очень велик, здесь есть реликвии, вызывающие у нас добрые воспоминания. В библиотеке Атаюрка хранится книга «Индустрия социализма», изданная у нас в 1935 году и подаренная Атаюрку. В его кабинете мы увидели картину, запечатлевшую парад турецких войск в эпоху войны за независимость. На переднем плане, близ принимающего парад генерала мы разглядели всадника, военного советника в красно-армейской шивели и шлеме, — воспоминание о поэме М. В. Фрунзе и наших командиров в Турцию. Все это бережно сохраняется в доме Атаюрка в Анкаре. Здесь мы увидели и простых людей, рабочих, крестьян — таких посетителей почти не встречаешь в археологических музеях, и в этом выражена горячая признательность народа Атаюрку.

На следующий день, в семь часов утра, «ЗИМ» увозил нас на юг страны, в Измир, что означает красивый Измир.

«ЛЕС ЖИВЕ!» — ПОД ТАКИМ НАЗВАНИЕМ НА ЯПОНСКОЙ СЦЕНЕ УЖЕ ТРИ ГОДА ИДЕТ ДРАМАТИЧЕСКАЯ СКАЗКА С. Я. МАРШАКА «ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ». ПЬЕСА ПЕРЕВЕДЕНА НА ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК Г-ЖЕЙ ЮСИКО ЮСА И ПОСТАВЛЕНА В ТОКИЙСКОМ ТЕАТРЕ «ХАЙЮДЗА» РЕЖИССЕРОМ КОРЭ САНДА. ЗА ЭТИ ГОДЫ СПЕКТАКЛЬ ПРОСМОТРЕЛИ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ МАЛЫШЕВ ЯПОНЦЕВ. КАК СООБЩАЛА ТОКИЙСКАЯ ПЕЧАТЬ, «ДО СИХ ПОР НЕ БЫЛО СПЕКТАКЛЯ, КОТОРЫЙ БЫ ТАК ВОСХИЩАЛ ДЕТЕЙ, КАК ЭТОТ». ВСЕ ШКОЛЫ И ДЕТСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ЗАСЫПАЛИ ТЕАТР «ХАЙЮДЗА» ЗАЯКАМИ НА БИЛЕТЫ, «И ТО ЧИСЛО СПЕКТАКЛЕЙ БЫЛО УВЕЛИЧЕНО, ЕЖЕДНЕВНО ЗАЛ БЫЛ ПЕРЕПОЛНЕН ТАК, ЧТО БЛОКУ НЕГДЕ БЫЛО УПАСТЬ».

Об успехе спектакля можно судить по тому, что деятели литературы и искусства Японии превозвели даже специальное «Общество лесов («Мори-но кай»), которое поставило своей целью дать возможность детям немущих родителей и сиротам — воспитанникам детских домов просматривать этот спектакль.

Спектакль ставился и во время прошедшего года в Японском Международном театральном фестивале. В своем письме С. Я. Маршаку г-жа Юисико Юаса, Корэ Санда и актеры, занятые в спектакле, сообщили, что только в зале здания газеты «Сангио Кайдзю» — Санкэй кайкан «Лес живет» просматривало 34 700 зрителей.

К спектаклю вышла специальная театральная программа, в которой была помещена статья, посвященная пьесе «Лес живет». «Что же в этой пьесе так привлекает сердца?» — спрашивает автор статьи и отвечает: «Спектакль очень нравится детям. Он их радует, волнует, учит. А в этом и состоит, по завету Горького, задача советской детской литературы».

Поэтическая сказка Маршака привлекла внимание не только театральными деятелями Японии, но и деятелей японского киноискусства. Кинокомпания «Докурицу Эйга» поставила фильм по пьесе «Двенадцать месяцев», пользующийся успехом у зрителей.

На снимке: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

ЛЮБИМЫЙ СПЕКТАКЛЬ ЯПОНСКОЙ ДЕТВОРЫ

«Лес живет!» — под таким названием на японской сцене уже три года идет драматическая сказка С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев». Пьеса переведена на японский язык г-жей Юисико Юаса и поставлена в токийском театре «Хайюдза» режиссером Корэ Санда. За эти годы спектакль просмотрели десятки тысяч малышей японцев. Как сообщала токийская печать, «до сих пор не было спектакля, который бы так восхищал детей, как этот». Все школы и детские учреждения засыпали театр «Хайюдза» заяками на билеты, «и то число спектаклей было увеличено, ежедневно зал был переполнен так, что блоку негде было упасть».

Об успехе спектакля можно судить по тому, что деятели литературы и искусства Японии превозвели даже специальное «Общество лесов («Мори-но кай»), которое поставило своей целью дать возможность детям немущих родителей и сиротам — воспитанникам детских домов просматривать этот спектакль.

Спектакль ставился и во время прошедшего года в Японском Международном театральном фестивале. В своем письме С. Я. Маршаку г-жа Юисико Юаса, Корэ Санда и актеры, занятые в спектакле, сообщили, что только в зале здания газеты «Сангио Кайдзю» — Санкэй кайкан «Лес живет» просматривало 34 700 зрителей.

К спектаклю вышла специальная театральная программа, в которой была помещена статья, посвященная пьесе «Лес живет». «Что же в этой пьесе так привлекает сердца?» — спрашивает автор статьи и отвечает: «Спектакль очень нравится детям. Он их радует, волнует, учит. А в этом и состоит, по завету Горького, задача советской детской литературы».

Поэтическая сказка Маршака привлекла внимание не только театральными деятелями Японии, но и деятелей японского киноискусства. Кинокомпания «Докурицу Эйга» поставила фильм по пьесе «Двенадцать месяцев», пользующийся успехом у зрителей.

На снимке: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

Снимок: обложка изданной в Японии сказки С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

С